

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

ХРЕСТОМАТИЯ ФЕМИНИСТСКИХ ТЕКСТОВ: ПЕРЕВОДЫ // Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. 304 с.

Термин «феминизм» до сих пор вызывает в отечественной академии неоднозначную реакцию. Хотя в профессиональной среде уже редко можно услышать, что «феминизм — это фашизм сегодня» (как выразился мой молодой и очень продвинутый коллега каких-то семь лет назад), до признания феминистских работ в качестве полноценной и легитимной части социальной теории у нас еще достаточно далеко. Большинство специалистов убеждены, что феминизм есть идеология чем-то неудовлетворенных женщин, которые сублимируют свою неприязнь к противоположному полу в мало-вразумительных радикальных текстах, написание которых почему-то щедро даются западные гранты. Такие, в общем, песни восточных славянок.

Представляется, что подобные стереотипы в профессиональном сообществе вызваны не столько (и, по крайней мере, не только) патриархатом и консерватизмом, сколько плохой информированностью. Действительно, не прошло и десяти лет, как феминизм стал развиваться в пределах российского теоретического поля, и доля феминистски ориентированных эмпирических исследований (самого разного уровня) пока намного превышает долю теоретических работ. Зарубежную литературу достать непросто даже в столицах, а переводов катастрофически мало. Выпущенная в Санкт-Петербурге под эгидой Европейского университета «Хрестоматия» как раз призвана заполнить этот пробел — настолько, насколько это позволяет формат небольшой, 300-страничной книги. «Хрестоматия» содержит избранные главы из работ 10 современных авторов: Дороти Смит, Джин Бетке Элштайн, Нэнси Ходоров, Кэрол Гиллиган, Джудит Лорбер и Сьюзен Фаррелл, Кэндес Уэст и Дона Зиммермана, Розы Брайдотти, Роберта Коннелла — и полностью переведенную статью Гейл Рубин. Для тех, кто профессионально знаком с гендерной теорией, это классики, для остальных это, скорее всего, «феминизм, каким мы его не знали». Не знали потому, что составители «Хрестоматии», руководительницы гендерной программы и ведущие преподаватели Европейского университета Елена Здравомыслова и Анна Темкина отобрали для перевода и публикации тексты, которые представляют феминизм как эпистемологию, социальную теорию и методологию. Таким образом, широкий круг читателей (наконец-то не обязательно владеющих иностранными язы-

ками и имеющих возможность пользоваться бескрайними библиотеками хороших зарубежных университетов) может лично убедиться, что феминизм — это не только про непростые отношения женщин с мужчинами, но и про отношения обоих полов с текстом, языком, теорией, обществом, институтами, короче говоря, про то же самое, что и «большая» социология, или, как модно сейчас говорить, *mainstream*.

Первое, на что хочется обратить внимание читателя, — это качество переводов. В целом, переводы социологических текстов остаются довольно болезненной проблемой, потому что «обычные переводчики», филологи и собственно специалисты по языку, как показала практика, с этой задачей справляются редко, а у специалистов по социологии и социальной теории хватает своей работы. В результате на свет появляются «бедные уродцы», вроде «Большого толкового социологического словаря» Д. и Дж. Джери, в которых изначальный авторский посыл искажен настолько, что способен только запутать недоумевающего читателя. К тому же над каждым переводчиком висит проблема несоответствия иноязычной и отечественной терминологии, принципиальной непереводаемости на русский целого ряда ключевых для зарубежной науки понятий. Отсюда вечный соблазн не переводить коварный концепт вообще, а просто переписать кириллицей (транслитерировать): так появились уже вполне легитимные в российской научной традиции «акторы», «аттитюды» и, наконец, сам «гендер».

Отличительная черта питерской «Хрестоматии» заключается в том, что здесь эти переводческие проблемы не только достаточно успешно разрешаются, но и служат предметом специальной рефлексии. Вводная статья составителей посвящена политике перевода. По их мнению, «обсуждение соотношения перевода и оригинала феминистского текста вновь делает актуальной категорию *верности*, имеющую коннотацию с патриархатным дискурсом отношений между полами. Перевод, подобно женщине, должен быть *верным*. Но кому? С одной стороны, оригиналу. С другой — родному языку переводчика. Такие требования оказываются взаимоисключающими. Переводчик должен соблюсти верность двум «супругам» (Е. Здравомыслова, А. Темкина. «Введение. Феминистский перевод: текст, автор, дискурс», с. 21). Выход из этой непростой ситуации авторы видят в сознательном принятии концепции «номадического авторства», когда на смену иерархическому различению текста-оригинала и текста-перевода приходит понятие интертекстуальности, а автор и переводчик становятся соавторами дискурсивности (с. 23).

Это признание напоминает нам о том, что любой перевод, начиная с отбора текстов и кончая форматом издания, является не только благородной гуманитарной деятельностью, но и определенной политикой, отражением конъюнктуры, научной моды, пресловутого «социального заказа». Но не так уж много авторов решаются позиционировать свои работы как «политические», что, конечно, не мешает им осознанно или неосознанно «лить воду» на какую-нибудь «мельницу»: качественную или количественную, позитивистскую или постмодернистскую. В данном случае мы имеем дело с феминизмом, не стесняющимся быть феминизмом. Наверное, это неплохо, потому что составляющие книгу «переводы, не стесняющиеся быть переводами», отличают, несмотря, а может быть, и благодаря всему вышесказанному, вы-

сокая точность, прекрасный русский язык и практическое отсутствие опечаток — настоящего бича современных научных изданий. Огромная редакторская работа, проделанная квалифицированным и высоко эрудированным переводчиком Татьяной Барчуновой, позволила всем переводам, выполненным командой молодых исследователей, аспирантов Европейского университета, быть одинаково «удобочитаемыми» и корректными по отношению к оригиналу.

Составители хотели бы рассматривать свою «Хрестоматию» как единый текст, — написанный разными авторами и на разные темы, но объединенный критикой либерализма, предполагающего равенство и безразличие мужского и женского субъекта; пониманием женщины как *иного* (в том смысле, в котором употребляла это понятие Симона де Бовуар — вечно «Второй пол») и пристальным вниманием к основному корпусу классической и постклассической социальной теории. Этот метатекст (органической частью которого, несомненно, является и вводная статья) позволяет читателю познакомиться с современной феминистской мыслью и понять, насколько она на самом деле отличается от стереотипных представлений об агрессивной, «политкорректной» и поверхностной фразеологии, с которой ее принято, к сожалению, ассоциировать.

Переводы открываются статьей Дороти Смит «Социологическая теория. Методы патриархатного письма» (1989 г.). Этот текст знакомит нас с «позиционным» (stand-point) подходом в феминистской эпистемологии. Смит критикует классическую социальную теорию за конвенциональные представления о познающем субъекте как абстрактном деятеле, лишенном тела, идеологии, индивидуального опыта и наделенном только такими чертами, которые согласуются с избранным теоретическим порядком. Эта работа очень часто цитируется в современных теоретически ориентированных текстах и считается одной из классических в социологии знания. Смит считает, что «конструирование отсутствия позиции конституирует и делает возможным такие способы написания текстов об обществе, которые опираются на представления о том, что его можно охватить как единое целое. Подобное написание текстов о социальной системе исходит из посылки, будто бы существует некая внешняя позиция, «никакое место», откуда можно обозреть все общество в целом. Когда-то я считала, что такие лишённые позиции объяснения появляются в результате взгляда с высоты птичьего полета. На самом же деле нет такой птицы, нет такой высоты полета, с которой можно созерцать наш город как на ладони» (с. 41). Смит категорически отрицает возможность для познающего субъекта «видеть сразу все аспекты, не принимая какой-либо конкретной точки зрения». И это позволяет поставить вопрос о том, откуда все-таки «смотрели на наш город» Дюркгейм, Парсонс, Вебер, другие классики, и что могло остаться ими незамеченным, непознанным, непонятым. Смит, как и многие другие феминистские авторы, полагает, что «за кадром» остался прежде всего специфически женский опыт, либо игнорируемый вообще, либо описанный со стороны, так что живые люди, субъекты, оказались превращены в «фикцию дискурса». Альтернативой этому подходу может стать социология, которая, будучи систематическим знанием об обществе, изучала бы его изнутри, с многочисленных точек зрения на социальные отношения, в рамках которых мы действуем и которые определяют на-

шу жизнь (с. 58). Пафосом создания «новой социологии» проникнут весь феминистский мета-текст.

Джин Бетке Элштайн в статье «Императивы частного и публичного» (1981 г.) строит свой анализ вокруг этих фундаментальных понятий, определяющих социальную жизнь индивидов и групп. Она откровенно предупреждает читателей: «Я не предлагаю рая. Возможно, потому, что я не обнаружила в обычной сегодняшней жизни того безысходного ада, который многие феминистки усмотрели в настоящем социальном устройстве и опыте» (с. 69). Реконструируя публичное и частное, она обращает внимание на то, что эти понятия можно раскрыть, только опираясь на самопонимание субъектов политического дискурса, а пишущие о женщинах должны сначала определиться относительно женщины-субъекта, которая наполняет их своими смыслами. Элштайн подчеркивает, что не существует универсальной логики объяснения, которая годилась бы для всех целей: «Психоаналитическая теория может служить для объяснения политической экономики женщин при капитализме не более, чем марксистская экономическая теория — для ясного понимания психологии женщины и ее самосознания как личности» (с. 73). Таким образом, феминистская теория (как и гендерные исследования) не может не быть мультипарадигмальной, комплексной, многополюсной, да и предмет теоретизирования поневоле будет меняться: «Бывают времена, когда нужно исследовать отдельную женщину как субъект в ее определенном социальном положении и глубоко анализировать ее внутреннюю и внешнюю сущность; бывают другие времена, когда отдельная женщина как субъект будет погружена в некоторую совокупную категорию типа пола, расы или класса, потому что наша теоретическая цель — объяснение системных или структурных черт общего социального порядка» (с. 73).

В «Хрестоматию» включена также программная статья американского антрополога Гейл Рубин «Обмен женщинами: заметки о «политической экономике» пола» (1975 г.). Наряду с фрагментом из социологического «бестселлера» Нэнси Ходоров «Воспроизводство материнской заботы», эти два текста принадлежат «феминизму 70-х», но с честью выдержали проверку временем. Надо сказать, что данная статья имеет другую версию русского перевода (И. Караичевой), включенную в «Антологию гендерной теории», которая вышла в том же самом 2000 г. в Минске в издательстве «Пропилеи». И хотя перевод Т. Барчуновой и Н. Яргомской представляется более адекватным, вызывает некоторое недоумение сам факт «синхронного» двойного перевода пусть даже классического текста, в то время как существует такое количество интереснейших работ, совершенно неизвестных русскоязычным читателям. Это лишний аргумент в пользу того, что переводческие проекты хорошо бы как-то координировать.

Рубин осуществляет попытку синтеза структурализма, марксизма и пост-лакановского психоанализа, что позволяет ей ввести принципиально важное для современной теории понятие «гендерной системы, связанной с полом, гендером и детьми», определяющей тип гендерной стратификации в каждом конкретном обществе. Развивая идеи Леви-Стросса и оперируя антропологическим материалом, она предполагает, что генетически эта система восходит к системам родства, основанным, в свою очередь, не только на кровной связи, но и на обмене женщинами между разными кланами. Жен-

щина в этой системе социальных координат всегда в какой-то степени является товаром, и поэтому, по мнению Рубин, можно говорить о «политической экономии пола», без которой вряд ли может быть полноценной любая другая политическая экономия.

Упомянутой выше книге Нэнси Ходоров «Воспроизводство материнской заботы» повезло с переводами еще больше: небольшие фрагменты этой работы неоднократно переводились на русский язык, правда, большинство из них еще не опубликованы. Одна из глав (но не та, что в питерской «Хрестоматии») также включена в минскую «Антологию гендерной теории», что лишний раз показывает, насколько она востребована русскоязычными исследователями. Хочется сразу обратить внимание на одну важную новацию, содержащуюся в питерской версии перевода (переводчики Татьяна Барчунова и Жанна Чернова): в оригинале книга называется «The Reproduction of mothering: Psychoanalysis and the sociology of gender» [1], и на русский это название стандартно переводилось как «Воспроизводство материнства». Однако русскому слову «материнство» соответствуют в английском языке целых три аналога: *motherhood*, *maternity* и *mothering*, каждое из них имеет важный смысловой оттенок. Термин *mothering*, которым пользуется Ходоров, отражает такой аспект материнства, который связан непосредственно с коммуникацией между матерью и ребенком, а не с биологическим материнством (*maternity*) или социальным конструктом (*motherhood*). Такая версия заглавия известной работы гораздо точнее передает идеи Ходоров. Не останавливаясь подробно на содержании включенного в «Хрестоматию» фрагмента «Психодинамика семьи», отмечу лишь, что он традиционно считается важнейшим в монографии и чаще всего включается и в англоязычные сборники текстов и хрестоматии, иногда в формате самостоятельной статьи.

Психолог Кэрол Гиллиган также известна российской аудитории, ее классическая работа «Другим голосом» («In a different voice») [2] широко цитируется; есть и другие переводы: так, сокращенный перевод предисловия и первой главы (переводчик О.В. Артемьев) опубликован еще в 1992 г. («Этическая мысль 92». М., 1992). Выбранная составителями питерской «Хрестоматии» глава чуть-чуть провокационно называется «Место женщины в жизненном цикле мужчины». Начинается она тоже довольно неожиданно: описанием сцены из «Вишневого сада» (диалог Лопухина и Раневской), и это сразу в какой-то степени дает ответ на вопрос, релевантны ли для России искания западной феминистской мысли. Гиллиган находит подтверждение своей теории именно в знаменитой русской пьесе, что перекидывает, по крайней мере, духовный «мостик» между интеллектуальными традициями. Критикуя психоаналитические представления о «недоразвитом» женском суперэго, «женской морали» и «женской логике», она не отрицает особенностей эмоционального и ценностного женского опыта, но предлагает посмотреть на них под другим углом зрения: «Неуловимая тайна развития женщин состоит в том, что оно свидетельствует о значимости привязанности к другому на протяжении всего жизненного цикла человека» (с. 186). Мораль, основанная не на соблюдении священных правил и законов, а на ответственности и сопереживании, вряд ли заслуживает пренебрежительного отношения — во всяком случае, такое пренебрежение чревато печальными последствиями для обоих полов.

Работа Джудит Лорбер и Сюзан Фаррелл «Принципы гендерного конструирования» представляет собой введение в коллективную монографию «Социальное конструирование пола» [3]. Этот компактный текст содержит описание важнейших принципов теории социального конструирования гендерных отношений. Он весьма удобен для использования в работе со студентами, поскольку содержит ясные и лаконичные определения таких небеспроблемных терминов, как «пол», «гендер», «гендерная идентичность», «категория принадлежности по признаку пола». Более подробно они рассматриваются в примыкающей к этому тексту работе К. Уэст и Д. Зиммермана «Создание гендера» («Doing gender»), представляющей собой первую главу той же самой монографии. Текст уже был ранее опубликован в том же самом переводе, выполненном лично одним из редакторов «Хрестоматии» Е. Здравомысловой [4], но поскольку это издание было малотиражным и малодоступным, републикация перевода представляется вполне оправданной. В статье Уэст и Зиммермана гендер предстает как продукт не только исторически и культурно заданный, но постоянно воспроизводимый на уровне повседневных практик, «не просто как качество индивидов, а как интегральная динамика социальных порядков». Опираясь на этнометодологию Гарфинкеля и драматический интеракционизм Ирвинга Гофмана, авторы рассматривают гендерную идентичность не как продукт пололевой социализации или прохождения через психоаналитические комплексы, но как ситуационное «творчество», цель которого — быть отнесенным к категории по признаку пола и, таким образом, легитимным в восприятии других, социально компетентным индивидуумом. «Делать» гендер — это не всегда означает жить согласно нормативным представлениям о женственном или мужественном; это означает быть включенным в различные виды деятельности *в условиях гендерной оценки*» (с. 206). Это относительно новый подход для отечественной академии, так что можно даже встретиться с сетованиями по поводу «появления абсурдных словосочетаний: «гендер как социальный конструкт» и «гендерный дисплей» [5, с. 7]. Перевод первоисточников, в которых вводятся эти понятия, несомненно, поможет заинтересованным лицам познакомиться с их содержанием и преодолеть тягостное чувство абсурда.

Идея текучести, неустойчивости и ситуационности гендера как категории поддерживается также во фрагменте под названием «Различие полов как политический проект номадизма», представляющей собой главу из очень известной и авторитетной книги Розы Брайдотти «Nomadic subjects» [6]. Латинский термин «номадизм» буквально означает «кочевничество», но поскольку речь в книге идет не о кочевниках как мигрантах, а о «кочевничестве» как «новой форме субъектности, построенной на множественности различий и отсутствии иерархии» (с. 220), то переводчики Т. Барчунова и А. Ханжин сочли оптимальным транслитерировать его — тем более, что «явочным порядком» он давно уже используется в российском гендерном дискурсе. Брайдотти фокусирует внимание на важнейшей для современной социальной теории категории *различие*, являющейся, по ее собственному выражению, «источником высокого концептуального напряжения в феминистской теории» (с. 222), — конечно, далеко не только в феминистской, поскольку начиная с Ницше и Фрейда эта категория оказывается в центре ев-

ропейской философской мысли. Речь идет не о привычных для исследователя различиях в объектах познания, но о различиях его субъектов и проблематизации самого конвенционального представления о субъектности. Разумеется, для феминистски ориентированных теоретиков эта проблема стоит особенно остро, ибо если они оказываются изначально «другими» или «отличающимися» по отношению к основному корпусу знания, то как им следует соотноситься с этим корпусом? Должны ли они, как настаивала Симона де Бовуар, преодолеть гендерные предубеждения и свою инаковость во имя рациональности или, напротив, утверждать альтернативные позитивные ценности, как предлагает Люс Иригэрэй? Гуманистический феминистский проект предполагает отсутствие сексизма и евроцентризма и предельное внимание к познающим «другим», но это создает новые эпистемологические проблемы, поскольку сама категория «гендер» представляет собой культурно-специфический и поэтому непереводаемый термин (с. 225).

Заключает «Хрестоматию» перевод главы из знаменитой книги Роберта Коннелла «Гендер и власть» («Gender and power») [7]. Австралийский социолог Р. Коннелл, несколько лет назад «открытый» российскими исследователями гендерных отношений, сейчас является одним из самых модных и широко цитируемых авторов. Несмотря на это, включенный в «Хрестоматию» русский перевод пока является первым, хотя необходимость в нем, что называется, давно назрела. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться хотя бы к 11-му «гендерному» номеру «Социса» за 2000 г. (одним из авторов которого является и автор рецензии): употребляемый Коннеллом концепт *gender order* в одних статьях переводится как «гендерный порядок» (см. [8, 9]), в другой — как «гендерный уклад». Подобные различия, конечно, нежелательны, а чтобы избежать их, надо формировать переводческую традицию. Можно привести и более вопиющий пример: в упомянутой выше статье Биргит Пфау-Эффингер, солидарной с подходом Коннелла, кратко описывается выдвинутая им теория гендерной системы, одной из составных частей которой является «катексис» — психоаналитический термин, используемый Коннеллом для описаний сферы эмоциональных и сексуальных отношений между полами. В статье из-за небрежности переводчика он переведен как «катехизис», а ведь это совершенно о другом!

Вошедший в питерскую «Хрестоматию» фрагмент «Современные подходы» представляет собой очень интересный и нестандартный исторический обзор теорий, объясняющих гендерные отношения. Коннелл выделяет основные критерии их различия: объяснения полового неравенства при помощи внешних или внутренних факторов (1); объяснения, сосредоточенные на обычаях или на отношениях власти (2); и, применительно к теориям власти, — между теми, которые рассматривают категории как предшествующие практике, и теми, которые рассматривают категории как возникающие из практики (3) (с. 251). Такой подход позволяет взглянуть на объяснительные возможности и слабые места каждой теории под совершенно новым углом зрения.

Я отдаю себе отчет в возможном злоупотреблении определениями «классический», «программный», «знаменитый» и «модный». Но что поделять, если в англоязычной научной литературе за последние лет 30 появилось немало интереснейших авторов, пишущих о поле, гендере и феминист-

ской теории. Большинство из них — практически все! — очень мало еще, к сожалению, знакомы российским специалистам, не говоря уже о студентах, для которых в первую очередь предназначена выпущенная в Европейском университете книга. Отсюда и распространенные представления о феминизме как не только чем-то зловещем и огнедышащем, но с теоретической точки зрения несерьезном. А ведь это неправда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chodorow N.* The reproduction of mothering: Psychoanalysis and the sociology of gender. Berkeley: Univ. of California Press, 1978.
2. *Gilligan C.* In a different voice. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1982.
3. The social construction of gender / Ed. by J. Lorber and S.A. Farrell. Beverly Hills (CA): Sage Publications, 1991.
4. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН, 1997. С. 94–125.
5. Силласте Г.Г. Гендерная социология как частная социологическая теория // Социс. 2000. № 11.
6. *Braidotti R.* Nomadic subjects. New York: Columbia University Press, 1994.
7. *Connell R.* Gender and power: Society, the person and sexual politics. Cambridge: Polity Press, 1987.
8. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63–72.
9. Тартаковская И.Н. Гендерные аспекты стратегии безработных // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 73–82.
10. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 24–35.

И.Н. Тартаковская
кандидат социологических наук